

Пашинцева Полина Владимировна

Движение и время

(рецензия на фильм М. Калатозова «Летят журавли», 1957)

Движение – жизнь. Каждое наше действие можно наблюдать с разных ракурсов, под разным углом и при этом видеть абсолютно разные значения. Зависит от того, кто смотрит на вас. Будь то влюбленный или рассердившийся человек. В каждом движении – свой подтекст, свой для каждого. Именно во времена «оттепельного» кино в СССР появляется совершенно новое виденье человека, его движений, чувств. Одним из средств передачи эмоций и переживаний героя становится операторская работа.

Этот невероятный поэтический всплеск после периода малокартинья подарил миру гениальные фильмы, покоровшие не только советскую, но и зарубежную публику. Одним из них стала картина «Летят журавли» Михаила Калатозова.

Удостоенная главного приза Каннского кинофестиваля 1958 года, военная драма, на первый взгляд, представляет собой историю о девушке, которая ждет любимого человека с фронта. Главную роль исполняет Татьяна Самойлова, до «Журавлей» никому неизвестная актриса. Сейчас ее игра смотрится непривычно, странно. Мы не до конца можем понять, переигрывает ли Татьяна Евгеньевна или так стилизован сам фильм. Но факт остается фактом: спустя больше шестидесяти лет некоторые моменты «Журавлей» смотрятся необычно.

Но что же все-таки привлекает историков, кинокритиков, режиссеров и, конечно же, операторов даже сейчас? Почему этот фильм все равно остается культовым, несмотря на другое восприятие людей?

Начиная с первых минут «Журавлей», зритель наслаждается глубиной каждого кадра. Момент, когда Вероника и Борис бегут по набережной, чувствуется даже через экран. Камера чуть приподнимается: вдалеке мост, слева главные герои весело рассекают утренний воздух, а самую большую часть кадра,

справа, занимает вода. Это не случайно, ведь именно блики на воде от только-только восходящего солнца символизируют влюбленность, беззаботность и счастье.

Вспоминается любимый «оттепелью» мокрый асфальт. Урусевский использует верхний ракурс для передачи контраста: мы видим на темном асфальте главных героев, которые подобны белым пятнам. Они другие в этом мире, и это подмечается.

Для фильма характерен повтор многих кадров. Если сейчас Вероника и Борис попали под брызги поливовой машины, то с началом войны у этого же самого Крымского моста встречаются уже Вероника и Марк. До этого зритель чувствовал атмосферу любви и раннего утра, теперь же обстановка давит, волшебных бликов нет. Не только краткий диалог опускает нас в раздумья о будущем героев, но и внезапный верхний ракурс. Только недавно здесь был мокрый асфальт, но его заменили противотанковые ежи, обрезающие пространство. Кадр словно «задыхается» в военных «рамках». Вероника уходит все дальше и дальше от Марка. Урусевский уделяет этой сцене внимание, делает ее дольше по времени, ведь зритель во всю должен почувствовать то, как преодолевает это замкнутое пространство Вероника. До этого легкость и трепет, теперь же - тяжелые шаги в неизвестность начинающейся войны.

Движение является лейтмотивом всего фильма. Самым ярким примером становится сцена, когда Вероника приезжает на автобусе к пункту сбора военных. Героиня проходит множество маленьких локаций: автобус, толпа, танки, снова толпа, и камера все равно летит рядом с ней. Мы, зрители, движемся и физически, и мысленно с ней. Наша задача найти Бориса, который тоже пытается отыскать свою возлюбленную. Урусевский точно также не отходит от героя ни на шаг. Мы следуем за Борисом сначала вперед, а за тем назад, наблюдая разные судьбы уходящих на фронт добровольцев. Эта же сцена сопоставима с финалом, где Вероника пытается найти Бориса на праздничном вокзале, но не находит, и зрителю показывают точно так же разных людей и их реакции: слезы радости, счастья.

Смерть Бориса стоит особняком в фильме. То, с какой кропотливостью и чувственностью сделаны эти кадры, невозможно себе представить. Именно здесь впервые применяются круговые операторские рельсы, сконструированные самим Урусевским. Благодаря двойной экспозиции и движению камеры по часовой стрелке можно почувствовать головокружение. Это своего рода водоворот – водоворот неминуемой смерти. Мы видим то самое счастье, последнее, что предстает перед глазами Бориса: свадьба с Вероникой. Он смотрит на своего двойника, который живет другой жизнью, в другом мире, в мире без войны. Рапид дает этой сцене глубокое понимание того самого ускользающего времени. Мы следим за каждым движением фаты Вероники и ощущаем последнее биение сердца Бориса, его последнее биение сердца в этом мире.

Если в реальности что-то может произойти за миллисекунды, то осмысление этого самого действия может стоять долгие годы. Сергей Урусевский в фильме буквально замедлил время для осознания смерти героя, остановил и дал почувствовать мимолётность молодости, ускорил в сцене, когда Вероника хочет броситься под поезд, уменьшая количество кадров с каждым разом на один.

Движение никогда не прекращается и никогда не прекратится. Так же и в конце фильма «Летят журавли», несмотря на все беды, которые принесла война, жизнь продолжается. Движение есть вся наша жизнь, и даже после смерти жизнь продолжается. Воспоминания, лучшие воспоминания, подаренные человеком, которого сильно любил, никогда не устареют. Они не подвластны времени.